

XXXVII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVII

№ 30

1906

Выходить еженедельно (52 № в год), съ приложениемъ 40 книгъ „Сборника“, содержа: соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и К. М. Станюковича, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 книгъ „Парадскихъ яствъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 29-го июля 1906 г. Подписная цена съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/3 года 2 р. Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочин. М. Е. Салтыкова-Щедрина“ кн. 27.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1906 г. Съ приложениемъ 40 книгъ „Сборника нивы“, содержащихъ: и первыя 10 книгъ полн. собр. сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина Безъ достав-ки въ Петер-бургъ . . . 6 р. 50 н. Безъ доставки въ МОСКВУ въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія явилы. 7 р. 25 н.		К. М. Станюковича. Безъ доставки въ ОДЕССУ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Рязань-венская, 12. 7 р. 50 н. Съ достав-кою въ Пе-тербургъ . . . 7 р. 50 н. Съ пересылкою во все мѣстности Россіи. . . 8 р. За гра-ницу. 12 р.	
--	--	---	--

„Маленькая“.

Повѣсть.
И. Н. Потапенко.
(Продолженіе).

УП.

Несмотря на счастливо окончившееся объясненіе и на твердое обещаніе устроить свадьбу лѣтомъ, Рембо далеко не утомился.

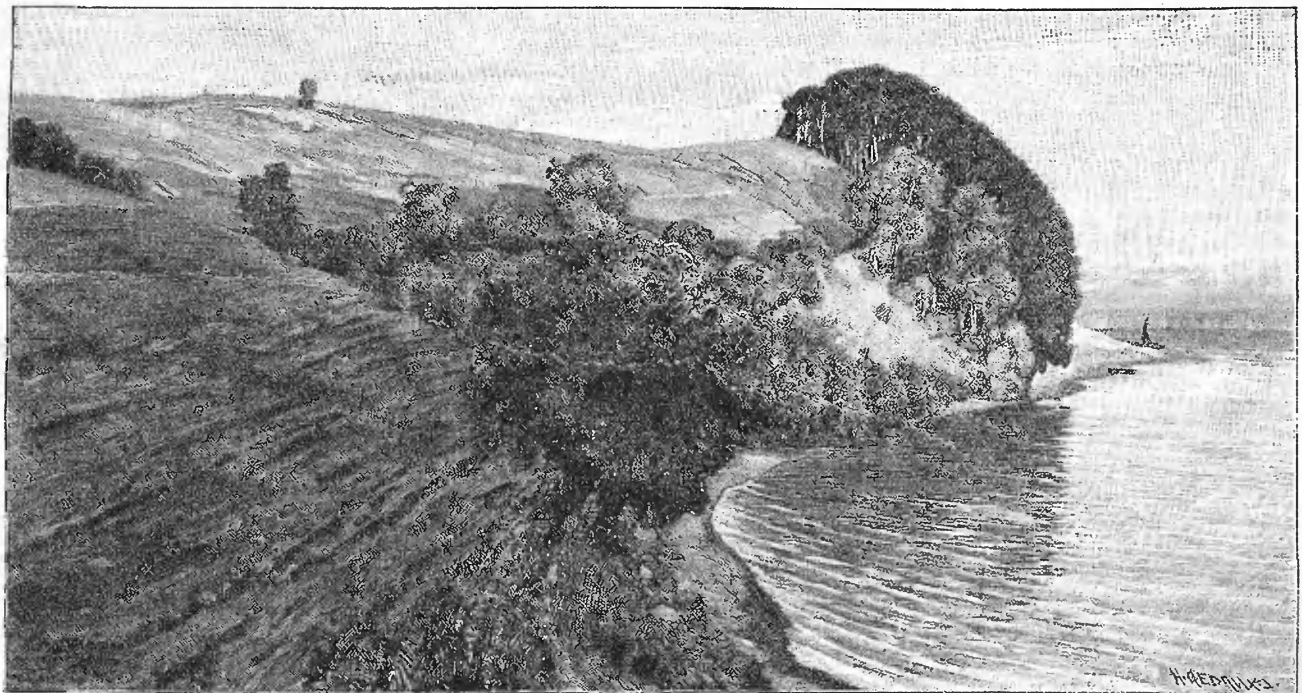
Кажется, хорошенькіе глазки Маринны довольно основательно задѣли его. Онъ теперь только быть гораздо осторожнѣе. Онъ старался, чтобы не видѣли не только мадамъ Зуавъ, но и Адольфа, котораго онъ считалъ теперь опаснымъ.

И Маринка была чрезвычайно удивлена, когда Рембо однажды, уловивъ минуту, заговорилъ съ нею по-русски.

Вѣтъ было извѣстно, что онъ ни слова не знаетъ на этомъ языкѣ. И вдругъ онъ остановилъ ее и сказалъ необыкновенно твердо:

— Барышня, за что серд-днисья?

Маринка такъ была удивлена этимъ обращеніемъ, что, вѣвсто того, чтобы бѣжать отъ него, остановилась.

День гаснетъ. Картина В. Фельдмана, гравюра Гедана.

— Ха-ха-ха! Ба-рыш-ня, за что сер-дишься... Карашо! Ха-ха-ха...

По изумление Маринки скоро прошло, тѣмъ больше, что было очевидно, что онъ, кромѣ этихъ словъ, больше ничего не знаетъ. Онъ ихъ выучилъ специально для нея. Можетъ-быть, даже не зная ихъ точнаго смысла.

Изумленіе смѣнилось на ея лицѣ гнѣвомъ. Брови ея сурово сдвинулись, и она быстро ушла.

Но, какъ ни былъ остороженъ Рембо, онъ не могъ уберечься отъ зоркихъ глазъ мадамъ Зуавъ.

Получивъ отъ него увѣренія, она, какъ женщина опытная и потому недоувѣрчивая, съ того же дня начала слѣдить за нимъ, и въ то время, какъ онъ считалъ себя въ полной безопасности, она смотрѣла въ замочную скважину изъ своей комнаты при мастерской. И она очень хорошо видѣла все его заигрыванія. Въ то же время она видѣла и то, что Маринка ничѣмъ не вызывала его образъ дѣйствій и, видимо, давала имъ отпоръ.

Но опытность подсказала ей, что бурными сценами она достигла бы какъ разъ противоположнаго результата, поэтому бурныхъ сценъ и не вышло. Убѣдившись, что Рембо не намѣренъ отстать отъ Маринки, она, ни въ какомъ случаѣ не желавшая лишиться его, рѣшила, что самое лучшее будетъ—устранить причину.

Но прежде, чѣмъ рѣшиться на это, она долго боролась.

Отказать Маринкѣ—это было не такъ легко. Эта дѣвушка сдѣлалась не только необходимой въ мастерской, но она стала душой ея.

Заказчицы, прѣзжая въ магазинъ, прямо спрашивали, можно ли поговорить съ молоденькой закройщицей—онѣ уже такъ называли ее, хотя этого званія у нея еще не было.

Съ нею онѣ какъ-то легко сговаривались. Съ мадмуазель Квиссо у нихъ бывали часто недоразумѣнія. Ихъ претензіи были болѣею частью нецѣпны. Мадмуазель Квиссо старалась во что бы то ни стало доказать имъ ихъ нецѣпность.

Маринка же, по своей скромности, на это не рѣшалась. Въместо того, чтобы возражать, она обыкновенно говорила:

— Да, мадамъ... Вы правы... Только это нужно сдѣлать вотъ такъ...

И показывала советъ по-своему, а дамы воображали, что это именно и есть то, на чемъ онѣ настаивали, и обѣ стороны были довольны.

Да наконецъ Маринка всѣмъ правила просто своей личностью: всегда пріятливая, услужливая, неутомимая и ловкая. Она была полной противоположностью мадмуазель Квиссо—строгой, медлительной и высоко державшей свое достоинство.

Кромѣ того, Маринка съ необыкновенной легкостью раздѣлила тысячи недоумѣній, постоянно встрѣчавшихся въ туалетахъ. У нея была какая-то необыкновенная способность устранять новыя неожиданныя и удивительно практичныя комбинаціи.

Эта находчивость была чрезвычайно драгоценна, и мадамъ Зуавъ болѣе всего дорожила ею.

Такимъ образомъ отказать Маринкѣ, это значило—оторгнуть всѣхъ заказчицъ и лишитъ мастерскую того особеннаго, хотя и скрытаго шика, какой придавала работѣ Маринка.

И мадамъ Зуавъ на это никакъ не могла рѣшиться. Какъ ни болѣло ея сердце отъ невѣрности Рембо, все же *рембо* фирмы для нея было выше.

Но оставить Маринку въ магазинѣ тоже было нельзя. И вотъ ее ослѣпила мысль: съ одной стороны—удалить Маринку на время, а съ другой—ускорить вѣнчаніе съ Рембо. Послѣ вѣнчанія она уже ничего не боялась. Она отлично знала, что тогда сумеетъ держать Рембо въ рукахъ.

Такимъ образомъ она и рѣшила, что съ переѣздомъ на квартиру не будетъ дожидаться лѣта, а постарается

сдѣлать это какъ можно скорѣй. Этимъ самымъ ускорялось и вѣнчаніе.

Но съ Маринкой она не хотѣла говорить объ этомъ. Дѣвчонка ничего не пойметъ. Надо быть женщиной, чтобы понять ея особое положеніе.

И однажды, когда въ мастерскую зашла Неонила Панкратьевна, мадамъ Зуавъ чрезвычайно ласково встрѣтила ее и попросила, не зайдетъ ли она выпить чашку чаю къ ней наверхъ?

Неонила Панкратьевна была польщена такой любезностью, хотя далеко уже не такъ удивилась ей, какъ удивилась бы два года тому назадъ. Она теперь знала, что мадамъ Зуавъ безъ Маринки не можетъ обойтись.

Она приняла приглашеніе и отправилась наверхъ.

Мадамъ Зуавъ въ первый разъ оказывала ей такую честь. Она уже давно начала разговаривать съ нею уважительно, отличая ее изъ числа матерей столько же, сколько Маринку—изъ числа мастерицъ. Это значило, что въ мастерской ее приглашали садиться, разговаривали съ нею, а не поворачивались къ ней спиной.

Но чтобы попасть наверхъ къ самой мадамъ Зуавъ, для этого надо, чтобы Маринка какъ-нибудь необыкновенно отличилась. И когда Неонила Панкратьевна поднималась по лѣстницѣ, то она была увѣрена, что Маринка опять совершила какое-нибудь чудо въ родѣ того знаменитаго шва, за который Неонила Панкратьевна получила двадцать пять рублей. Да нѣтъ, судя по чести, какую ей оказываютъ, это что-нибудь поважнѣе.

Неонила Панкратьевна убѣдилась, что хозяйка мастерской живетъ очень хорошо. Въ квартирѣ были большія зеркала, ковры, мягкая мебель, все такое красивое и удобное. И она въ эту минуту подумала о томъ, суждено ли ей Маринкѣ достигнуть такого благополучія?

Мадамъ Зуавъ принимала ее въ столовой, гдѣ былъ готовъ чай. Она всегда пила чай въ это время дня, часовъ около четырехъ.

— Садитесь, мадамъ Кацавейкина, — говорила хозяйка: — мнѣ очень пріятно видѣть васъ, и намъ надо поговорить. Вотъ, не угодно ли вамъ чашку чаю... Пожалуйста, берите печенье. Можетъ-быть, вы любите со сливками? Я сейчасъ вамъ расскажу... Только вы не думайте ничего дурного.

„Дурного?“—подумала Неонила Панкратьевна. Да ей въ голову не приходило, что тутъ можетъ быть дурное. Да развѣ за дурное принимаютъ въ квартирѣ и угощаютъ чаемъ?

Наконецъ вопросъ о чаѣ, печеньяхъ и сливкахъ былъ поконченъ, и мадамъ Зуавъ нашла возможнымъ приступить къ дѣлу.

— Вотъ что я хочу сказать вамъ, мадамъ Кацавейкина. Хотя тутъ будетъ замѣтана ваша Маринка, но дѣло касается не ея, а меня. Я обращаюсь къ вамъ, какъ къ женщиной и какъ къ матери, вы должны понять меня...

Странное впечатлѣніе произвело на Неонилу Панкратьевну это предисловіе. Нѣтъ, очевидно, тутъ не то, что она думала. Хотя она ничего еще не понимала, но какъ-то смутно чувствовала, что-то будетъ идти не о чудесахъ Маринки. Мадамъ Зуавъ продолжала:

— Да, какъ къ женщиной и матери... Видите, я очень, очень люблю вашу дочь и дорожу ею... Другая на мое мѣсто, можетъ-быть, советъ разсталась бы съ ней, но я не могу. Я цѣню заслуги...

— Мадамъ Зуавъ, да за что же? Что же она такого дурного сдѣлала? — вдругъ вырвалось у Неонилы Панкратьевны послѣ того, какъ она услышала слово „разстаться“.

— Погодите, мадамъ Кацавейкина, не торопитесь. Она ничего не сдѣлала. Говорю вамъ: Маринка прекрасная дѣвушка, и я хотѣла бы, чтобы всѣ мои мастерицы были такія, какъ она, по... Тутъ советъ особое дѣло. Видите ли, она... Она такая миловидная, сама Маринка. Она страшно нравится мужчинамъ.

— Господи! Да развѣ же она въ этомъ виновата, и развѣ же это порокъ, мадамъ Зуавъ?

— О, нѣтъ... Далеко не порокъ... Но тутъ такое обстоятельство... Словомъ... Ну, я объясню вамъ прямо... Надо вамъ знать, что я скоро выхожу замужъ. Мой женихъ — это уже ни для кого не секретъ — Рембо, котораго вы могли видѣть въ магазинѣ... Впрочемъ, вы никогда не заходите въ магазинъ... Онъ гораздо моложе меня, но это ничего не значитъ, потому что онъ серьезный и солидный человекъ. Такъ вотъ... Ну, понимаете... Когда въ магазинѣ постоянно бываешь такая миленькая молодая дѣвушка... вы должны понять меня, мадамъ Кацавейкина...

Неонила Панкратьевна, конечно, уже поняла. Женщинѣ, когда дѣло касается чего-нибудь изъ области сердечной, объяснять долго не надо. Это она понимаетъ съ двухъ словъ.

Она поняла, что Маринку хотятъ наказать за то, что она хорошенькая, и что какой-то Рембо, долженствующий быть мужемъ госпожи Зуавъ, засматривается на нее. Лицо ея, до этого времени сіявшее, сдѣлалось серьезнымъ и строгимъ.

— Такъ вотъ за это самос, мадамъ Зуавъ, мой Маринкѣ будетъ непріятность?.. — съ горечью сказала она.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, — поспѣшно перебила ее мадамъ Зуавъ: — ни въ какомъ случаѣ, и даже напротивъ, я хочу сдѣлать ей только удовольствіе. Вотъ вы сейчасъ узнаете. Дѣло въ томъ, что ваша Марина работаетъ слишкомъ много. Да, да, я это добросовѣстно говорю. Вы сами, должно-быть, замѣтили, какъ она устала, какъ она худая и блѣдна. Вѣдь такъ?

— Да, это ужъ правда, работаетъ она, прямо какъ лошадь.

— Ну, вотъ видите. А у насъ въ магазинѣ предстоитъ перемѣна — вы уже, должно-быть, слышали о ней — мы съ лѣта беремъ новую, гораздо большую квартиру: дѣло наше расширяется. И тамъ у нея уже будетъ большая самостоятельная должность, конечно, и жалованья больше. А теперь, понимаете, ей слѣдовало бы отдохнуть...

— Что же, отдохнуть хорошо бы! — сказала Неонила Панкратьевна. — Да какъ же это такъ сдѣлать?

— А ужъ я вамъ это устрою. Я хочу дать ей отпускъ мѣсяца на два. Понимаете? Я буду платить ей жалованье совершенно такъ, какъ бы она работала, по она будетъ въ это время отдыхать. Понимаете?

— Понимаю, мадамъ Зуавъ, понимаю. Странно это... Чтобы не работать, и жалованье... Но я вамъ благодарна. Только, чтобы это навѣрно, насчетъ будущей-то новой должности.

— Да, да. Это безусловно. Видите ли, мадмуазель Квиссо тогда одной не справится. Мастерницъ будетъ почти вдвое больше, и магазинъ будетъ расширенъ. Ну, словомъ, она будетъ второй закройщицей, и жалованье ей будетъ соответственное.

— Благодарю васъ, мадамъ Зуавъ. Это-жъ, это хорошо. Право, это очень хорошо.

— Только прошу васъ, мадамъ Кацавейкина, вы устроите какъ-нибудь прилично. Ваша Марина хорошая дѣвушка, но она слишкомъ молода, чтобы понимать эти чувства. Вы ее такъ ужъ и убѣдите, что ей нуженъ отдыхъ, и что это для отдыха.

— Постараюсь, мадамъ Зуавъ, ужъ непременно постараюсь.

— Вы скажите ей, что я обратила вниманіе на ея блѣдность и хочу дать ей поправиться, а потомъ и я ей скажу это... Ужъ до лѣта я какъ-нибудь безъ нея обойдусь. А тамъ... Да, знаете, и дѣйствительно надо же ей отдохнуть. А то вѣдь ее, пожалуй, и не хватитъ. Вотъ что я хотѣла сказать вамъ, мадамъ Кацавейкина.

Неонила Панкратьевна еще не знала, какъ ей слѣдуетъ отнестись къ предложенію хозяйки магазина. Съ одной стороны она, конечно, понимала, что дамъ солид-

наго возраста, какъ мадамъ Зуавъ, держать въ магазинѣ хорошенькую молодую дѣвушку, когда тамъ торчитъ ея молодой женихъ, невыгодно. Эти чувства она понимала вполне.

Но, съ другой стороны, опытъ научилъ ее быть съ людьми очень осторожной. Большею частью люди только выставляютъ благовидный предлогъ, а думаютъ совсѣмъ другое. Вотъ, можетъ-быть, и здѣсь что-нибудь другое. Мало ли что можетъ быть? Напримѣръ, мадамъ Зуавъ не желаетъ, чтобы Марина, такая способная, взяла верхъ въ магазинѣ и затмила ее. Можетъ-быть, она боится Марины... Всякое бываетъ...

Разставаясь съ мадамъ Зуавъ, она благодарила ее, но сама думала о томъ, что дѣло это надо сперва хорошенько разслѣдовать.

Она, конечно, и не думала передъ Маринкой ломать комедию. Въ тотъ же день, вечеромъ, когда Маринка пришла изъ мастерской домой, утомленная и разбитая, съ однимъ желаніемъ поскорѣ лечь въ постель, что бывало съ нею каждый день, Неонила Панкратьевна затѣяла съ нею разговоръ.

— Что же ты не спрашивашь, Мариночка, зачѣмъ меня позвала къ себѣ мадамъ Зуавъ? Ужъ, кажется, такая рѣдкостная любезность... Къ себѣ зовала и чаемъ со сливками угостила.

— Ахъ, да, въ самомъ дѣлѣ... Я и забыла объ этомъ. Зачѣмъ же это?

— А вотъ зачѣмъ. Ты слушай да разсуждай. Очень ужъ ты много тамъ работаешь, блѣдная, видишь, ты стала да худая... Утомляешься. И мадамъ Зуавъ стало тебя жалко, и она, видишь ты, желаетъ, чтобы ты отдохнула.

— Что такое?

— Постой, постой... Чтобы ты отдохнула этакъ мѣсяца два-три, и за всѣ эти мѣсяцы она тебѣ жалованье платить будетъ. Понимаешь? Чего лучше!

— Вотъ какъ! Ну, мамаша, вы не очень-то этому радуйтесь... Не такъ ужъ это хорошо, какъ вы думаете.

— А ты думаешь, я радуюсь? Я сразу увидѣла, что тутъ подвохъ... Видишь, она мнѣ сказала — только ты это въ секретъ держи — она мнѣ сказала про этого своего жениха, какъ его, французъ, должно-быть...

— Рембо!

— Вотъ, вотъ, этотъ самый... Молодой онъ и на хорошихъ засматривается... Такъ вотъ, чтобы до свадьбы, значить, его отвести — тебѣ отдыхъ нуженъ.

— А про Адольфа ничего не говорила?

— Про какого Адольфа?

— Про сына своего.

— Нѣтъ, про этого не сказывала. А развѣ онъ что?

— Онъ мнѣ прямо чуть-что не въ любви объявлялся. Только этотъ серьезно.

— Ну, Маринка, не очень-то ты вѣрь ихней сурьезности... Всѣ они на одинъ манеръ... По части любви очень сурьезные бываютъ, пока своего не добьются, а послѣ того тоже очень сурьезно выло на сторону вертеть. Такъ вотъ оно что! Стало-быть, тамъ всѣ на тебя глаза пилили. Вишь, какая ты, Маринка, прельстительная... Скажи, пожалуйста!.. Маленькая да удаленькая... А какъ же съ этимъ-то, съ отдыхомъ быть?

— А должно-быть, мамаша, что надо будетъ мѣста искать.

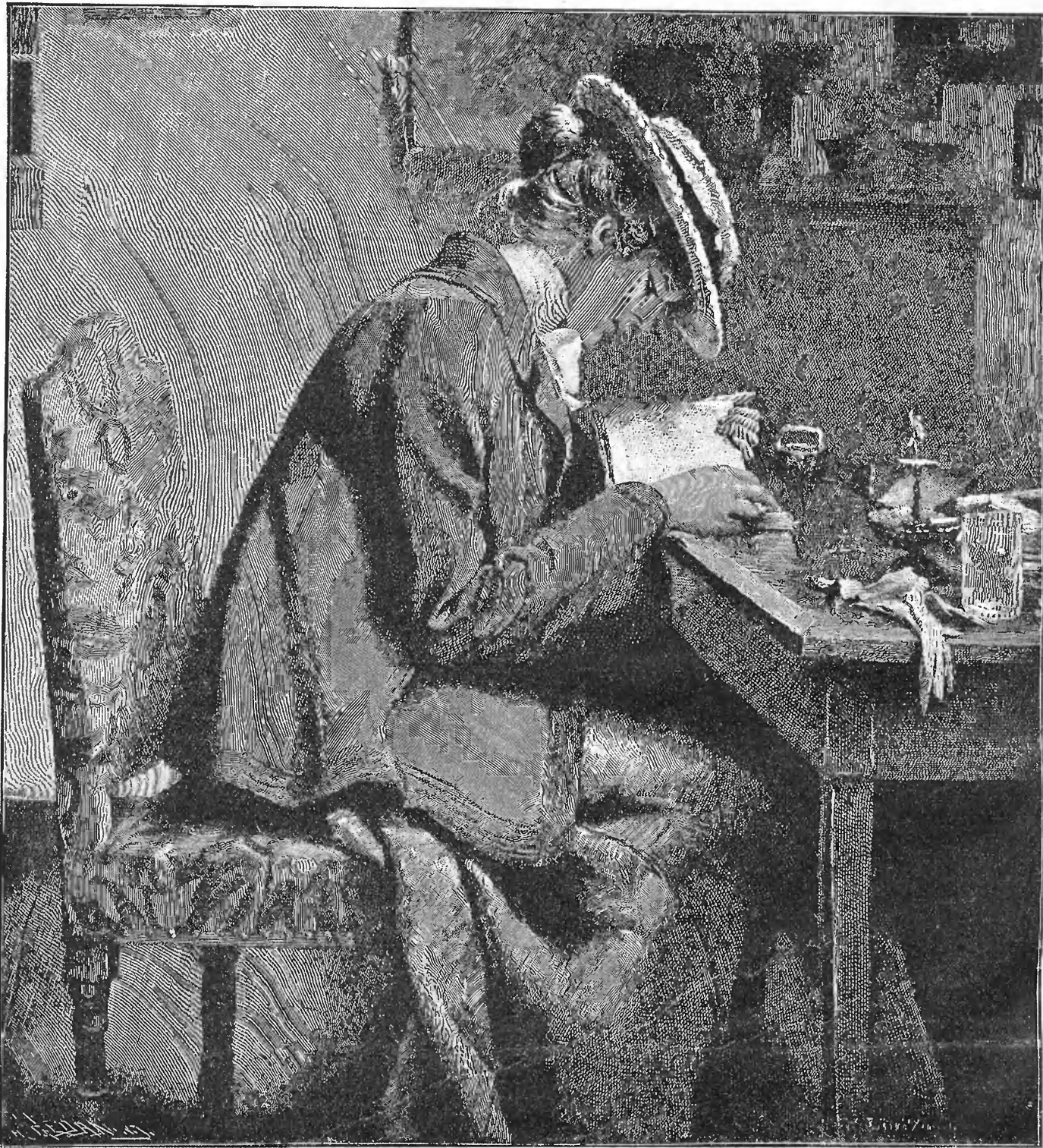
— Мѣста искать? — съ ужасомъ воскликнула Неонила Панкратьевна. — Отъ мадамъ Зуавъ уходить? Да что ты, милая?.. Развѣ это можно?

— Да ужъ тутъ можно или нельзя, мамаша, а только я вижу очень хорошо, что придется. Теперь меня отъ этого Рембо удаляютъ... Ну, онъ женится на ней, положимъ, и она послѣ того командовать имъ будетъ. А потомъ вѣдь все равно Адольфъ останется. Придется мнѣ и отъ него отдыхъ давать... Видите, мамаша, онъ не ка-

кой-нибудь... Онъ не то, что этотъ Рембо, который при-
стаетъ... Онъ съ благородствомъ, мамаша. Такъ ужъ отъ
него мнѣ не на два мѣсяца, а на цѣлый годъ отпускъ
давать придется... Невыгодно это для мадамъ Зуавъ
будетъ. Нѣтъ, я такъ полагаю, мамаша, что надо мнѣ
заблаговременно мѣсто другое искать.

мадамъ Зуавъ первостепенной, всѣ же остальные, по се-
мьлѣтнюю, никуда не годишься.

И что они такое нашли въ Маринкѣ, эти проклятые
мужчины? Худенькая она да блѣдная и маленькая та-
кая, не на что и смотреть. А вотъ поди же — и женихъ
хозяйки, и сынъ ее же на нее засматриваются.

Интересный романъ. Картина Ф. Линденшмидта, гравюра Гедана.

Страшно огорчило это умозаключеніе Неонилу Пан-
кратьевну. Она считала, что будущее счастье Маринки
какимъ-то образомъ тѣсно связано съ фирмой мадамъ
Зуавъ, и въ этой перебранкѣ она видѣла какое-то потря-
сеніе. Быть закройщицей у мадамъ Зуавъ — а она вѣдь
это обѣщала — это такая честь. И отъ всего этого уйти
къ какой-нибудь второстепенной фирмѣ. Вѣдь другихъ
и нѣтъ. Неонила Панкратьевна считала только фирму

Такъ онѣ и не рѣшили этого вопроса: какъ быть съ
новымъ обогатѣльствомъ? Маринка, утомленная, скоро
легла въ постель и уснула. А Неонила Панкратьевна
безплодно продумала всю ночь. Пришло ей даже въ го-
лову сходить къ мадамъ Роговой и съ нею погово-
рить. Да вѣдь это походило бы на жалобу, и къ тому
же пришлось бы выдать тайну мадамъ Зуавъ. Маринкѣ
она сказала, должна была сказать, а постороннимъ

петься. Сейчас разнесут, разболтают, и изъ этого выйдет что-нибудь неладное. Тогда ужъ дѣйствительно Маринкѣ у мадамъ Зуавъ не жить.

Дня черезъ три все вышло такъ, какъ было предю-

прошлый и за два предстоящихъ мѣсяца, полтора ста рублей. Маринка сказала безъ всякаго чувства:

— Благодарю васъ, мадамъ Зуавъ,—и вышла.

На другой день мастерская была изумлена глѣзъ стран-

Среди гранатъ. Картина К. Сакаджи, авт. «Нивы».

ложено. Мадамъ Зуавъ пригласила къ себѣ Маринку и, прямо смотря ей въ глаза, заговорила о томъ, что желаетъ дать ей отдыхъ. Маринка выслушала ее молча, а когда та кончила и вручила ей, въ видѣ жалованья за

пымъ обстоятельствомъ, что Маринка, такая исправная, не пропустившая еще ни одного дня, не явилась. Но мадмуазель Квиссо своимъ безстрастнымъ голосомъ объявила:

— Мадмуазель Маринка устала... Онъ отдыхайть... Онъ будетъ отдыхайть два мѣсяца.

И никто не повѣрилъ тому, что Маринка, такая дѣятельная и старательная, можетъ отдыхать да еще два мѣсяца. Всѣ поняли, что тутъ скрывается другое, и, такъ какъ кое-что изъ происходящаго доходило до нихъ, всѣ догадывались, что въ этомъ отдыхѣ Маринки замѣшанъ Рембо.

VIII.

Хотя все было сдѣлано въ приличной формѣ и сопровождалось полученіемъ разомъ такихъ значительныхъ денегъ, какъ полтора ста рублей, тѣмъ не менѣе на Маринку вся эта исторія произвела самое подавляющее впечатлѣніе. Придя домой послѣ прощанія съ мадамъ Зуавъ, она расплакалась.

Что бы тамъ ни говорили, а вѣдь въ мастерской мадамъ Зуавъ она провела свои лучшіе годы изъ тѣхъ, какіе у нея были. Туда она явилась ничтожной дѣвчонкой, которая ровню ничего изъ себя не представляла, съ продранными башмаками, въ ватномъ пальто съ оборванной подкладкой. Она ничего не умѣла толкомъ, она была ничтожествомъ. А въ мастерской она научилась всему и возвысилась.

Тамъ ей постоянно трубили о ея необыкновенныхъ способностяхъ. Тамъ она играла важную роль закройщицы и примѣряльщицы, она, казалось, сдѣлалась необходимой и хозяйкѣ, и заказчицѣмъ.

И наконецъ, — надо же это сказать хоть самой себѣ, — тамъ она оставила часть своего сердца — за конторкой, гдѣ съ такимъ скучающимъ видомъ сидѣлъ Адольфъ.

Да, Адольфъ! Никогда она не возлагала на него надеждъ и очень хорошо знала, что не можетъ ждать ничего серьезнаго отъ этого чувства. Но ей пріятно было видѣть его и встрѣчать его пѣжный взоръ. Онъ былъ ей милъ.

А теперь онъ, конечно, очень скоро забудетъ о ней. Что она такое для него? Хорошенькая мастерица... Но хорошихъ мастерицъ сколько угодно. Придутъ новыя и приглянутся ему.

Да и во всемъ остальномъ теперь пойдетъ худо. Она должна искать мѣста. О, она совершенно увѣрена въ этомъ.

Пройдутъ два мѣсяца, и потомъ мадамъ Зуавъ скажетъ, что на ея мѣсто взята уже другая, — всегда такъ это дѣлается.

Какъ же она будетъ искать мѣста? Въ другихъ мастерскихъ ея способностей не знаютъ. Здѣсь она считалась простой мастерицей, а получала жалованье почти закройщицы, здѣсь ей поручали важныя работы. А въ другихъ мѣстахъ на нее только взглянуть, и никто не повѣритъ, что ей можно что-нибудь поручить. Скажутъ: молоденькая дѣвчонка, — что она можетъ знать?

И дни отдыха для Маринки были грустными днями. Она ничего не дѣлала, но не отдыхала. Нервы ея работали и притомъ мучительно, и она становилась еще блѣднѣе.

Между тѣмъ у Зуавъ произошли новыя событія, которыя были непосредственнымъ результатомъ отдыха Маринки. Маринка отдыхала уже двѣ недѣли и ничего не знала о нихъ, а они себѣ происходили.

Героемъ ихъ былъ Адольфъ. Узнавъ объ отпускѣ Маринки, онъ возмущился и сдѣлалъ матерн сцену.

— Я не понимаю, маман, — сказалъ онъ ей рѣзко: — какъ вы могли унизиться до этого. Изъ-за этого господина, который не умѣетъ вести себя порядочно, вы обидѣли дѣвушку, отдававшую вамъ свои силы нашей мастерской, — дѣвушку, которая была украшеніемъ магазина.. Я не понимаю, маман, какъ вы могли на это рѣшиться.

— Адольфъ, — сказала мадамъ Зуавъ, строго нахмурившись, такъ какъ онъ задѣлъ ея больное мѣсто: — ты слишкомъ еще молодъ, чтобы разсуждать о такихъ вещахъ.

— Моя молодость, маман, нисколько не мѣшаетъ мнѣ быть справедливымъ, и я настаиваю, что вы должны вернуть мадмуазель Марину.

— Она отдыхаетъ. Согласись, что ей нужно отдохнуть.

— Развѣ она просила у васъ отдыха?

— Это все равно. Приличіе соблюдено. Она не имѣетъ права обижаться.

— О, всѣ отлично понимаютъ смыслъ этого отдыха... Я настаиваю, маман, чтобы вы сейчасъ же приняли ее въ магазинъ.

— Адольфъ, ты забываешься... Въ этомъ магазинѣ ты не имѣешь никакихъ правъ.

— Еще бы! Я — вашъ сынъ — не имѣю никакихъ правъ, а всѣ права имѣетъ господинъ Рембо, посторонній человекъ, который ведетъ себя, какъ кучерь...

— Адольфъ, я прошу тебя больше никогда не выражаться такъ о m-r Рембо...

— Маман, я желалъ бы никакъ не выражаться о немъ. Вы выходите за него замужъ, это ваше дѣло, я въ него не вмѣшиваюсь. Но работать съ этимъ господиномъ въ одной мастерской, за одной конторкой я не могу.

— И не надо. Никто тебя объ этомъ не проситъ. Можешь уходить... И вообще, вообще... Ты тутъ совершенно ненуженъ.

Дѣло принимало совсѣмъ другой оборотъ. Адольфъ видѣлъ, что мать его совсѣмъ ослѣплена парижаниномъ и ради него готова пожертвовать сыномъ.

Какъ ни кипятился онъ, сколько ни проявлялъ благороднаго негодованія, а природная практичность все-таки въ немъ взяла перевѣсъ, и онъ подумалъ о томъ, что враждебный ему Рембо можетъ заставить его мать обойтись съ нимъ совсѣмъ плохо. И ему показалось, что теперь еще не поздно заговорить о выдѣленіи ему части капитала.

— Я готовъ уйти, маман, — сказалъ онъ: — но въ такомъ случаѣ исполните ваше обѣщаніе: выдѣлите мнѣ часть капитала. Можетъ-быть, я начну какое-нибудь самостоятельное дѣло.

— Хорошо, — отвѣтила мадамъ Зуавъ: — я объ этомъ подумаю.

Послѣ этого разговора Адольфъ больше не появлялся въ магазинѣ. Рембо одинъ орудовалъ тамъ.

Вообще произошли перемѣны, неудобство которыхъ почувствовала больше всѣхъ мадамъ Зуавъ. Рембо не умѣлъ говорить по-русски, и вѣчно надо было ей самой заниматься переводомъ.

Мадмуазель Квиссо должна была цѣлые дни возиться съ примѣрками, и мастерская безъ нея строгаго глаза приходила въ упадокъ: мастерицы портили шитье и лѣпились.

Но, главное, заказчицы сейчасъ же обратили вниманіе на отсутствіе маленькой примѣряльщицы. Онѣ забрасывали мадамъ Зуавъ вопросами о томъ, что съ нею. Мадамъ Зуавъ объясняла, что она прихворнула, и ей пришлось дать отпускъ. А всѣ онѣ такъ привыкли къ ней и такъ отвыкли отъ мадмуазель Квиссо.

И въ магазинѣ почему-то вдругъ водворилось уныніе. Всѣмъ было скучно, всѣмъ чего-то не доставало. Всѣ вдругъ почувствовали, какъ важно было присутствіе въ немъ молоденькой мастерицы, исполнявшей обязанности закройщицы.

Она вносила какую-то свѣжесть, что-то милое и изящное, чего никакъ не могла дать мадмуазель Квиссо съ своей вѣчно недовольной, величественно-натянутой физиономіей.

И благодаря всему этому мадамъ Зуавъ нервничала и думала только объ одномъ: какъ бы ускорить переѣздъ на новую квартиру и свое вѣщаніе. Она и не думала о томъ, чтобы вовсе отказать Маринкѣ. Напротивъ, она мечтала о ней. Маринка казалась ей столпомъ новой расширенной мастерской.

Прошла недѣля. Адольфъ хотя и жилъ въ одной квартирѣ съ матерью, но не встрѣчался съ ней. Онъ обѣдалъ въ ресторанѣ, приходилъ домой поздно и вообще старался показать, что оскорбленъ.

А когда прошла недѣля, онъ утромъ зашелъ на минуту въ столовую и сказалъ матери:

— Маман, вы обѣщали покончить съ выдѣломъ мнѣ части капитала. Мое время уходитъ даромъ... Я прошу васъ, развяжите мнѣ руки.

— Что же ты намѣренъ дѣлать? — спросила мадамъ Зуавъ.

— Я еще не знаю навѣрное. Но, можетъ-быть, я открою магазинъ мужскихъ шляпъ... мнѣ представляется случай. Итакъ, прошу васъ, маман...

И онъ ушелъ. Мадамъ Зуавъ находила, что магазинъ мужскихъ шляпъ — это хорошо. Это было дѣло и доказывало, что Адольфъ не легкомысленъ и что онъ понимаетъ свою выгоду. Она рѣшилась выдѣлить его. Но она не могла сдѣлать это, не посоветовавшись съ Рембо.

Увы, по мѣрѣ приближенія свадьбы, она все больше и больше подчинялась ему, она советамъ уже была въ его власти и не могла безъ него предпринять ни одного шага. И вотъ произошелъ советъ.

— Мой другъ, — сказала мадамъ Зуавъ, когда Рембо явился къ ней въ свой обычный вечерній часъ. — Я должна посоветоваться съ вами по одному щекотливому дѣлу. Рѣчь идетъ о моемъ сынѣ, Адольфѣ...

— Который игнорируетъ меня и всячески старается показать мнѣ свое презрѣніе, — перебила ее Рембо.

Онъ дѣйствительно былъ оскорбленъ Адольфомъ. Встрѣчая его на лѣстницѣ, Адольфъ не только не кланялся ему, а даже отворачивался отъ него.

— Я этого не одобряю, — сказала мадамъ Зуавъ. — Но вы же видите, мой другъ, что онъ дѣлаетъ то же самое и по отношенію ко мнѣ. Вотъ уже недѣля, какъ онъ не показывается мнѣ на глаза.

— Вы могли бы требовать отъ вашего сына больше почтительности, — замѣтилъ Рембо.

— Я ничего не хочу требовать. Онъ уже взрослый человѣкъ, онъ будетъ жить своей жизнью. Я хочу совершенно выдѣлить его.

— Что значитъ выдѣлить?

— Это значитъ, что я дамъ ему часть капитала, чтобы онъ могъ завести самостоятельное дѣло.

— Это до меня не касается, мадамъ Зуавъ. Рѣчь идетъ о вашемъ капиталѣ, а не о моемъ.

— Ахъ, мой другъ... Къ чему такой тонъ? Вы очень хорошо знаете, что я не дѣлаю разницы между моимъ и вашимъ... Но Адольфа нужно выдѣлить именно для того, чтобы онъ не имѣлъ никакого основанія вмѣшиваться въ наше дѣло. Вы знаете, что мой капиталъ составляетъ теперь сумму около трехсотъ тысячъ. Я думала о томъ, какую часть дать Адольфу. Это очень трудно рѣшить мнѣ самой... Все-таки я женщина... Если, напримѣръ, ему выдать триста тысячъ... Какъ вы думаете, мой другъ?

Лицо Рембо сдѣлалось холоднымъ, красныя губы его плотно сомкнулись, выраженіе глазъ было непроницаемо. Мадамъ Зуавъ ждала отъ него отвѣта, а онъ молчалъ.

— Я жду вашего мнѣнія, Рембо! — поощрила она его. Рембо усмѣхнулся.

— Я удивляюсь вашей скупости, мадамъ Зуавъ. Почему бы вамъ не отдать ему весь вашъ капиталъ?

— Что это значитъ, Рембо?

— Онъ вашъ единственный сынъ... Онъ заведетъ какое-нибудь блестящее дѣло; для этого нужны большія деньги... Почему бы не отдать ему все?

— Вы противъ него раздражены, мой другъ, я это понимаю, но...

— Раздраженъ, да, очень даже раздраженъ. Онъ третироваетъ меня, какъ какого-то приживальщика. Онъ подчеркиваетъ, что я бѣденъ, а вы богаты... Онъ презрительно отворачивается отъ меня при встрѣчѣ... Что еще нужно для того, чтобы унижить человѣка? И вы, мадамъ Зуавъ, напрасно выбрали меня въ совѣтчики по этому вопросу. Я хлопотать за него не буду, предупреждаю васъ...

— Но, мой другъ, надо посмотрѣть только съ дѣловой точки зрѣнія.

— А если съ дѣловой, то извольте, я выскажу свое мнѣніе. Адольфъ еще очень молодъ. Теперь онъ ведетъ себя прилично. Но это ничего не доказываетъ. Завтра, получивъ цѣлое состояніе, онъ можетъ развернуться и показать новыя стороны своего характера. Чѣмъ вы гарантированы, что онъ не прокутитъ ваши деньги въ какой-нибудь годъ? И тогда вы, какъ любящая мать, должны будете давать ему новыя сто тысячъ, и опять новыя... Нѣтъ, мадамъ Зуавъ, вы разсуждаете, какъ женщина, и это никуда не годится. Если онъ хочетъ завести свое дѣло, то для этого не требуется ста тысячъ. Со ста тысячами всякій дуракъ можетъ завести дѣло. А если онъ человѣкъ дѣловой и расчетливый, онъ заведетъ его съ малыми деньгами, а потомъ постепенно будетъ расширять. Если вы увидите, что это нужно для дѣла, вы всегда можете дать ему еще. И тогда вы будете держать его въ рукахъ. Вы можете руководить молодымъ человекомъ, предохранять его отъ увлеченій. Вотъ что я думаю и говорю это безъ раздраженія, забывъ свое личное чувство оскорбленнаго имъ человѣка.

— Это умно, Рембо, это очень умно, то, что вы говорите... Да, да, это правда... Онъ еще такъ молодъ, онъ не установился, Адольфъ... Мало ли что можетъ случиться!.. Сколько же, по вашему мнѣнію, ему нужно выдать?

— Самое болѣе — двадцать пять тысячъ, — очень твердо сказалъ Рембо. — Этой суммы совершенно достаточно, чтобы начать небольшое свое дѣло.

— Двадцать пять тысячъ! — какъ-то неопредѣленно сказала мадамъ Зуавъ.

— Да, двадцать пять тысячъ, — подтвердилъ Рембо. — А что, вы думаете, что это мало? Да вѣдь это, если перевести на наши деньги, шестьдесятъ тысячъ франковъ. Съ этими деньгами я въ Парижѣ началъ бы такое дѣльце, которому многіе позавидовали бы...

— Да, но для этого нуженъ вашъ опытъ, Рембо.

— Адольфъ можетъ пользоваться моимъ опытомъ, если захочетъ.

— Этого трудно ожидать.

— Тѣмъ хуже для него.

Мадамъ Зуавъ хотя и соглашалась съ Рембо, что на первое время молодому человѣку не слѣдуетъ довѣрять крупную сумму, тѣмъ не менѣе она колебалась. Адольфъ ужасно обидчивъ. Двадцать пять тысячъ могутъ показаться ему подачкой. Тѣмъ болѣе, что онъ знаетъ цифру ея капитала.

— Я вижу, вы колеблетесь, — сказалъ Рембо, правильно опредѣливъ ея душевное состояніе.

— Не то... Но мнѣ не хочется ссориться съ нимъ...

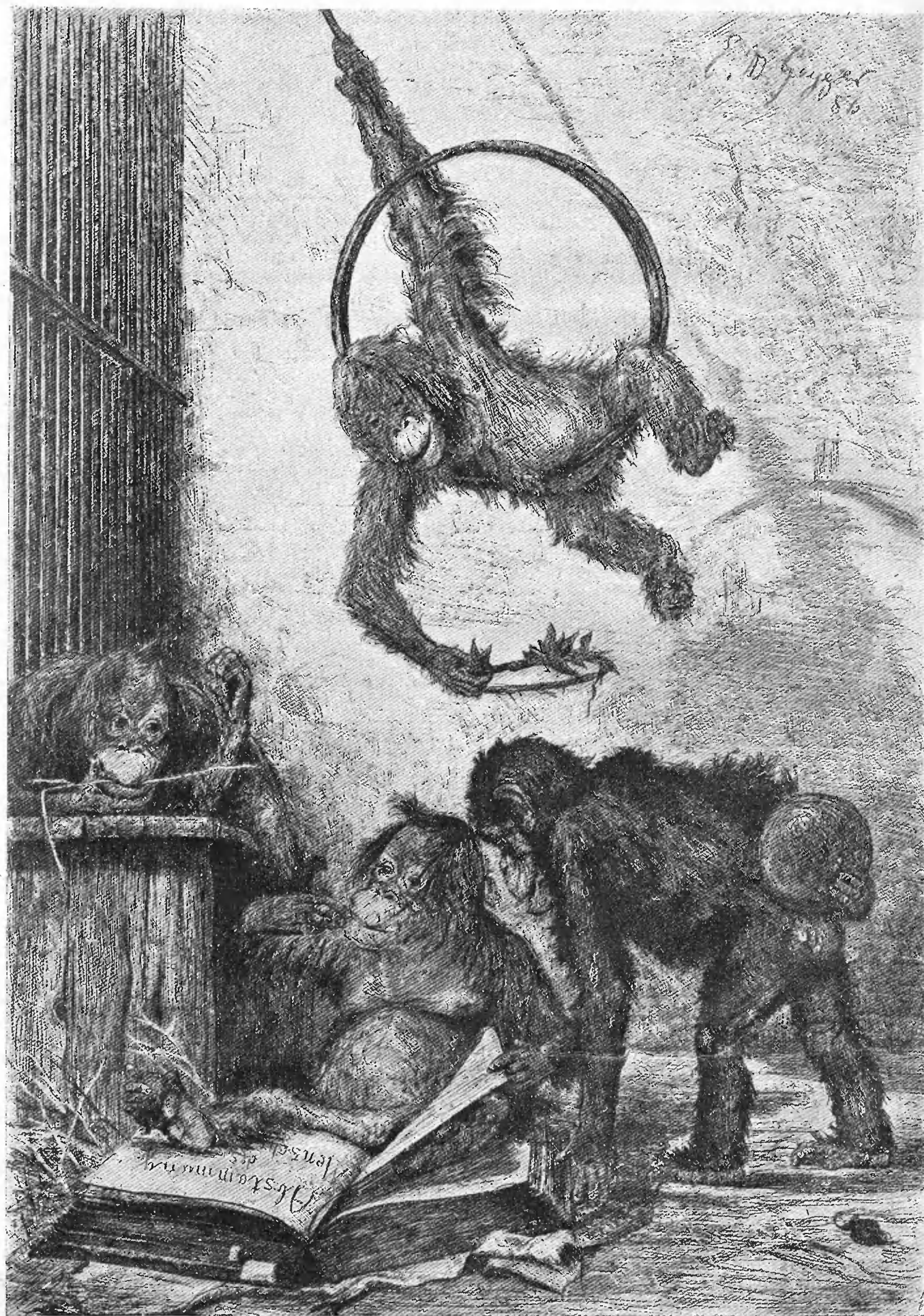
— О, могу васъ увѣрить, что все равно, сколько бы вы ни дали ему, хотя бы даже всѣ триста тысячъ, вы все-таки поссоритесь съ нимъ.

— Почему?

— Потому что существуетъ на свѣтѣ m-r Рембо. Поэтому что этому Рембо вы оказываете довѣріе. Этого совершенно достаточно, чтобы Адольфъ поссорился съ вами. Адольфъ ненавидитъ меня.

Мадамъ Зуавъ все-таки еще довольно долго колебалась, но наконецъ рѣшилась въ видѣ охота дать Адольфу всего только двадцать пять тысячъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Критики Дарвина. Картина Е. Гейгера, ант. «Нивы».

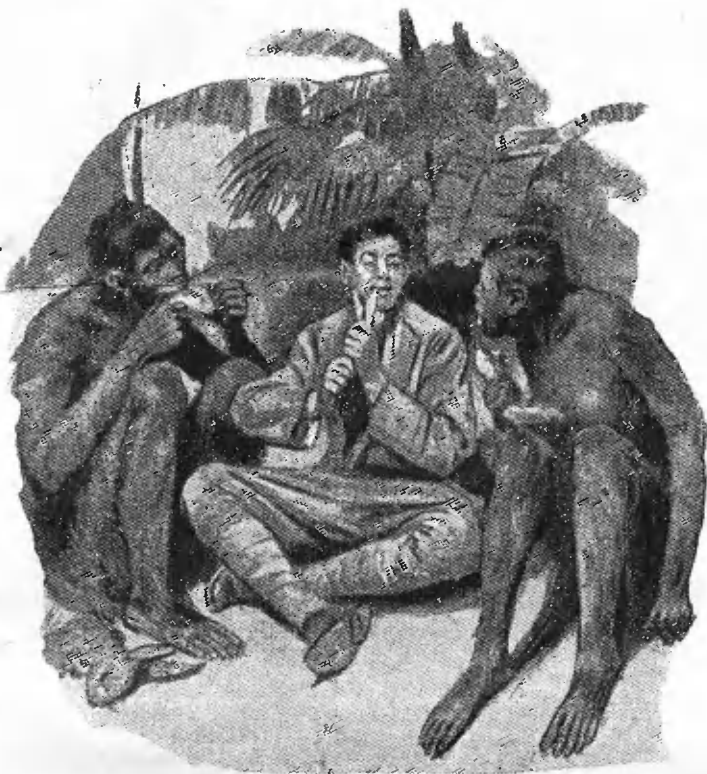
Недостающее Звено.

Рассказ В. Ольдена.

(Окончание).

V.

Ея супругъ вернулся сравнительно скоро и принесъ убитого кролика. Они немедленно ушлись завтракать, не имѣя, очевидно,

...Я ушелъ между ними и съ пріятной улыбкой принялся уписывать сырого кролика...

понятія о кострѣ: просто разрывали кролика руками и зубами и ѣли сырого. Черезъ нѣсколько минутъ «Госпожа Звено» выбрала хорошій кусочекъ и бросила его мнѣ. Я поглядѣлъ на нее съ удивленіемъ, какъ будто говоря: «Какъ же вы хотите, чтобы я ѣлъ со связанными руками?» Она поняла, потому что сказала что-то своему мужу, и онъ подошелъ и развязалъ меня. Не медля ни минуты, я ушелъ между ними и съ пріятной улыбкой принялся уписывать сырого кролика такъ, словно это былъ пуддингъ.

Добродушный они были народъ; и, прежде чѣмъ мы кончили завтракать, было, видимо, рѣшено, что я безвредное существо, и что меня интересно будетъ оставить—въ роли домашнего животного.

Я не буду вамъ описывать каждаго часа, проведеннаго въ этомъ «домѣ». Скажу въ обобщеніи, что приблизительно четыре недѣли пробылъ я у нихъ, и все это время они обращались со мной ласково, даже баловали: спать я въ ихъ шалашѣ, постель изъ листьевъ сдѣлали они для меня вдвое толще своей, и когда замѣтили, что сырмъ мясомъ я, въ сущности, не увлекаюсь, то стали кормить меня какими-то огромными, вкусными орѣхами. Только ружья не отдавали и изъ дому не пускали; «Господинъ Звено» я съ собой меня въ лѣсъ не бралъ и одного не отпускалъ, такъ что я постоянно оставался дома, вдвоемъ съ его супругой.

У нихъ несомнѣнно существовалъ свой языкъ—и я даже началъ понимать нѣсколько словъ, но потомъ забылъ.

Такъ вотъ мы съ нею много разговаривали, когда оставались вдвоемъ; я по-своему, а она по-своему; и—ужъ не знаю почему—ей это доставляло удовольствіе.

Я для нихъ сдѣлалъ кое-что дѣйствительно полезное: увеличить и улучшить ихъ шалашъ—такъ что они своими глазами не вѣрили; сдѣлалъ имъ изъ шиповъ вилки и испытывалъ большое искушеніе познакомиться ихъ со спичками; но у меня была въ карманѣ только одна коробка, и я долженъ былъ беречь ее—на случай, если вырвусь на свободу. О существованіи этой коробки они не подозревали, какъ не подозревали о существованіи самихъ кармановъ: за все время моего пребыванія у нихъ я ни разу не снималъ одежды, и имъ и не снилось, что она снимается: по ихъ мнѣнію, очевидно, она представляла особый видъ шерсти, и я родился въ готовомъ видѣ—въ голубой фланелевой рубашкѣ и изодранныхъ брюкахъ. Разъ какъ-то «Госпожа Звено» обратила особенное вниманіе на протертое колѣно, приняла это, должно-быть, за ссадину и принялась любезно растирать «больное мѣсто» какимъ-то растительнымъ клеемъ, за которымъ тутъ же слезла на дерево. Словомъ, эта парочка обращалась со мной самымъ любезнымъ образомъ.

«Госпожа Звено», надо сказать правду, сдѣлала на меня нряд-

ную стойку! Пожалуйста, замѣьте, что я отношусь къ ея характеру и нравственности съ полнымъ уваженіемъ: эти «Звенны» были вполне достойными супругами; но новостъ и таинственность моего существа, очевидно, внушили ей платоническія чувства, и за это упрекнуть ее никакъ нельзя. Она всегда выбирала для меня лучшіе куски, приносила воду въ какой-то мелухѣ, выкапывала какую-то съдобную рѣпу и никогда не уставала трепать меня по щекѣ. Ея супругъ не ревновалъ ни капельки.

Между тѣмъ я продолжалъ стремиться всѣми моими помыслами къ ружью. Я не зналъ, куда они его запрятали и что о немъ думали; можетъ быть, находили въ немъ что-нибудь недостойное приличнаго дома.

Мнѣ совѣстно признаться, что я овладѣлъ моимъ ружьемъ посредствомъ хитрости, познакомивъ «Госпожу Звено» съ искусствомъ цѣловаться.

Я не разъ объяснялъ ей, что прошу отдать мнѣ ружье, и она навѣрно понимала—но ружья не приносила. Тогда, въ одинъ изъ нашихъ tête-à-tête, я обнялъ ее за талию и поцѣловалъ. Это произвело на нее поразительное впечатлѣніе; она приняла въ неопределенный восторгъ и научилась нашему тонкому искусству въ двѣ минуты. Я сейчасъ же прекратилъ урокъ. Когда мы опять остались одни, она начала оживленно объяснять знаками, чтобы возобновить это новое занятіе; но я дѣлалъ видъ, что ничего не понимаю, и упорно требовалъ свое ружье. Тогда она вскочила и убѣжала въ чащу; я думалъ—разсердился, но нѣтъ: черезъ нѣсколько минутъ приносилъ мнѣ ружье. Тутъ я ее поцѣловалъ самымъ искреннимъ образомъ и, говоря по правдѣ, почувствовалъ даже нѣжность, хотя фязіономія у нея была отвратительная.

Я спряталъ ружье подъ свою постель—что она, очевидно, одобрила: значитъ, взяла для меня ружье изъ потайнаго мѣста не безъ риска разгнѣвать своего супруга. Ночью, когда они оба крѣпко уснули, я выскользнулъ изъ шалаша.

Мнѣ совѣстно было уходить такимъ образомъ, безъ прощанья, не сказавъ дружескаго слова.—но, конечно, это было невозможно. Чтобы хоть чѣмъ-нибудь выразить свою благодарность, я оставилъ подъ постель «Госпожи Звено» осколокъ зеркала, который носилъ въ карманѣ. Надѣюсь, это ее вознаградило за разочарованіе.

Почти всю ночь я бѣжалъ, такъ что къ утру между нами было виль пятнадцать. Потомъ прилегъ заснуть, а когда проснулся, солнце было уже высоко, и сквозь чащу блестяло что-то голубое: я добрался до моря!..

На мое счастье, не очень далеко отъ берега проходилъ пароходъ; я началъ дѣлать всякіе знаки—и около полудня былъ уже среди европейцевъ.

Ну, а теперь, джентльмены—вѣрите или не вѣрите, это вамъ дѣло, но «Недостающее Звено» живетъ гдѣ-то у восточныхъ береговъ Индостана: мнѣ это доподлинно извѣстно, хотя и не я нашелъ его, а она меня. Я никому этого раньше не рассказывалъ, потому что не хочу, чтобы меня приняли за репортера; но если бы вы видѣли мое ружье, то безъ труда разгадали бы на немъ слѣды зубовъ, потому что мои любезные хозяева его основательно пробовали на вкусъ. И это доказываетъ одно изъ двухъ: или на свѣтѣ есть человѣкъ, который можетъ почти насквозь прокусить лютую сталь, или этотъ человѣкъ есть «Недостающее Звено», которое такъ желалъ бы отыскать господинъ профессоръ.

...Я обнялъ ее за талию и поцѣловалъ...

На проспектъ.

Каменный домъ, точно клѣтка огромная,
Шелями оконъ уныло глядитъ.
Лѣстница длинная, лѣстница темная
Вьется все выше и звонко молчитъ.

Чьи-то шаги раздаются поспѣшные
По невеселымъ крутымъ ступенямъ.
Чувства невѣрные, помыслы грѣшные,
Тутъ зарождаются, гаснутъ не тамъ.

Много здѣсь оконъ и много страданія,
Много открытыхъ и тайныхъ дверей.
Слышатся звуки то слезъ, то лобзанія,
Видятся скорбь и отвага очей.

Въ улицѣ шумъ и движеніе грѣховное,
Мечутся люди, снѣшать и спѣшать.
Къ силѣ тѣлесной стремится духовное,
Къ раю стремится низвергнутый адъ.

К. Фофановъ.

Хрустальный павильонъ.

Рассказъ Леона дю-Тэнсо.

Въ далекія времена, когда мусульманская вѣра сіяла во всемъ своемъ блескѣ подъ славнымъ скипетромъ Сулеймана Великолѣпнаго, тогдашняго шейхъ-уль-ислама (главу религіи) постигла опасная болѣзнь.

Въ то время (все сильно измѣнилось съ тѣхъ поръ!) доктора были рѣдки. Кромѣ того, они были невѣжественны и—можно ли этому повѣрить?—заставляли публику оплачивать ихъ визиты баснословной цѣной.

А шейхъ-уль-исламъ крѣпко дорожилъ своими деньгами, хотя ему и грозила опасность лишиться ихъ вмѣстѣ съ жизнью. Пока онъ метался на своемъ страдальческомъ ложѣ, раздраемый страхомъ смерти и страхомъ передъ расходами, ему рекомендовали старика-врача, по имени Исаака, бѣднаго и неизлѣчимаго, но владѣющаго чудесными тайнами, которыя возвращали здоровье больнымъ.

Преодоливъ отвращеніе добраго слуги Пророка къ потомкамъ Моисея, шейхъ-уль-исламъ призвалъ къ себѣ Исаака и отдался въ его руки. Усилия ученаго еврея долго, казалось, не имѣли успѣха, но его настойчивый уходъ наконецъ вызвалъ верхъ надъ болѣзью. Однажды, послѣ безчисленныхъ визитовъ, онъ могъ объявить своему высокому пациенту, что опасность безусловно миновала. Что именно значили эти слова—легко пойметъ всякій, кто имѣлъ дѣло съ докторами. Дѣло шло объ уплатѣ гонорара, и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, шейхъ задавалъ себѣ вопросъ: «Да былъ ли я действительно такъ боленъ?» Одно, но крайней мѣрѣ, было достоверно: въ теченіе многихъ лѣтъ Исаакъ ухаживалъ за нимъ, сидѣлъ надъ нимъ, вливалъ въ него алкаства, продѣлывая все это съ неослабнымъ усердіемъ.

«Маши-Аллахъ,—думалъ старый скученъ.—Исаакъ потребуетъ съ меня большую сумму. Какъ бы мнѣ отъ этого избавиться?»

Когда Исаакъ опять явился (что онъ не преминулъ сдѣлать въ скорости, такъ какъ и онъ подумывалъ о своемъ счетѣ), средство было найдено.

— Ученый мужъ,—сказалъ ему шейхъ:—ты спасъ мнѣ жизнь, и того малаго количества золота, какимъ я владѣю, недостаточно, чтобы вознаградить тебя за твою преданность. А потому я дамъ тебѣ нѣчто, что дороже золота.

Онъ подалъ бумагу за своей печатью и подписью.

— Умѣешь ли ты читать?—спросилъ онъ.

По Исаакъ уже разбиралъ исписанныя каракулями страницы. То была *тешикере* (грамота), въ которой шейхъ-уль-исламъ, въ силу своихъ полномочій, какъ наѣстникъ Пророка, гарантировалъ своему спасителю пользованіе хрустальнымъ павильономъ, въ качествѣ жилища, въ раю Маомета.

Исаакъ, какъ добрый сынъ Востока, остался на наружности совершенно спокойнымъ. По все же онъ пробормоталъ себѣ въ длинную бороду доброе восточное пожеланіе:

«Пусть собаки загадятъ могилу твоего дѣда!»

Однако, въ силу своей привычки всегда встрѣчать невзгуду съ яснымъ лицомъ, онъ проговорилъ вслухъ:

— Да сохранить Господь драгоцѣнные дни вашей свѣтлости!

Спрятавъ на груди веко, выданный ему для учета на томъ свѣтѣ, онъ поклонился до земли и вышелъ изъ комнаты. Въ сѣняхъ стоялъ Абдулла, довѣренный слуга шейха, всегда бывшій на чеку, чтобы взимать поборы съ посѣтителей своего господина при помощи формулы, составляющей основу всѣхъ восточныхъ языковъ:

— Бенимъ-бакшинъ-переде? (Гдѣ мой подарокъ?)

Исаакъ, который наконецъ имѣлъ возможность обнаружить свое неудовольствіе, отвѣтилъ ему:

— Твой подарокъ? Попрошай-ка получить что-нибудь изъ того, что я самъ получилъ! Вотъ! Смотри! Я уношу съ собой *тешикере* на хрустальный павильонъ въ раю!

Абдулла, въ крайнемъ изумленіи, болѣе не настаивалъ, но вечеромъ, возвратясь домой, повѣрилъ жепѣ свои горькія мысли.

— Знаешь ли, Фатима, что сдѣлалъ мой господинъ? Онъ подарилъ Джамли-Кіоскъ въ раю невѣрной собацѣ Исааку!

— Да, да,—завздыхала мусульманка.—Ему слѣдовало бы подарить Джамли-Кіоскъ тебѣ, который такъ долго и такъ вѣрно служилъ ему.

— Увы! — отвѣчала Абдулла: — служить я шейху долго, это правда. И что служилъ я ему вѣрно, это тоже правда. Хвала Аллаху, я смогъ купить этотъ домъ и окружающій его садъ, не считая нѣкоторыхъ бережениій, которыхъ хватить, чтобы обезпечить насъ на всю жизнь. Но я никогда не думалъ о спасеніи своей души. А теперь мнѣ думается, что если-бъ и могъ перекупить у Исаака его *тешикере*, это не были бы пропавшія деньги. Какъ по-твоему?

— А было ли бы достаточно мѣста для тебя, для меня и для нашего сына въ этомъ Джамли-Кіоскѣ?—полюбопытствовала благочестивая Фатима.

— Всюду, куда я пойду, семья моя должна за мною слѣдовать, наша-Аллахъ!

Рѣшено было, что Абдулла постарается свидѣться съ Исаакомъ и вступить съ нимъ въ переговоры, что и было исполнено безотлагательно. Долго обсуждали вопросъ, и наконецъ Абдуллѣ были переданы всѣ права Исаака на его собственность на томъ свѣтѣ за сумму въ семьсотъ золотыхъ наличными. Но вѣсть объ отчужденіи этой небесной недвижимости дошла до шейха.

Вызвавъ Исаака предъ свои очи, онъ осыпалъ его упресками.

— Собака, собачій сынъ! Неужто ты смѣлъ продать, изъ-за презрѣннаго барыша, превосходящій всѣ сокровища міра Хрустальный павильонъ, который ты отъ меня получилъ?

Узнавъ къ погамъ своего благодѣтеля, Исаакъ сталъ оправдываться.

— Да даруетъ мнѣ ваша свѣтлость *аманъ*. Вѣрно, что ваша свѣтлость удостоила меня особой милостью. Но, обсудивъ этотъ вопросъ съ женою, мы рѣшили, что намъ положеніе тамъ, на небѣ, въ сущности говоря, будетъ не изъ особенно пріятныхъ. Моя наука не доставила мнѣ никакого состоянія. Какую роль играли бы я, сынъ Израили, въ своемъ Джамли-Кіоскѣ, окруженный правдоверными? Наша семья глуровъ жила бы въ самомъ грустномъ одиночествѣ, дѣти швыряли бы въ насъ камнями. Пятисотъ пиастровъ въ мѣсяцъ едва бы хватало на вставку новыхъ стеколъ въ павильонъ!

— Прочь съ глазъ моихъ! — воскликнулъ въ гнѣвъ шейхъ-уль-исламъ.—Издавъ меня отъ твоего присутствія!

Оставшись наединѣ со своимъ секретаремъ, служитель Бога, помолчалъ нѣсколько минутъ и давъ своему тѣлу улепись, наконецъ возвысилъ свой, уже надтреснутый отъ старости, голосъ:

— Какъ однако легко было бы, — размышлялъ онъ вслухъ: — обезпечить челоуѣчество! Нѣсколько словъ, написанныхъ на клочкѣ бумаги, составили счастье трехъ челоуѣкъ: во-первыхъ, мот, такъ какъ долгая болѣзнь мнѣ ничего не стоила, счастье Исаака, такъ какъ онъ получилъ семьсотъ золотыхъ, и счастье моего слуги Абдуллы, такъ какъ онъ теперь обезпеченъ очаровательнымъ жилищемъ на цѣлую вѣчность.

терпѣливо смотрѣтъ на образованіе огромныхъ рабочихъ союзовъ—трехъ-унионъ—и для прогнѣдѣствія послѣднимъ выработала союзы предпринимателей. Къ началу нынѣшняго года въ Англіи числилось уже 984 предпринимательскихъ синдиката. Благодаря имъ предпринимателямъ удалось много разъ предупредить и улаживать столкновенія съ трехъ-унионами, которые, чувствуя силу возмможнаго сопротивленія со стороны организованныхъ въ союзы капиталистовъ, становятся въ этихъ случаяхъ значительно болѣе уступчивыми и благоразумными, чѣмъ въ требованіяхъ, предъявляемыхъ къ разрозненнымъ хозяевамъ. Объединенность значительно увеличиваетъ силу каждой изъ борющихся сторонъ. Неорганизованный рабочий находится вполнѣ во власти хозяина, ко-

Борьба труда съ капиталомъ на Западѣ.

(Политическое обозрѣніе).

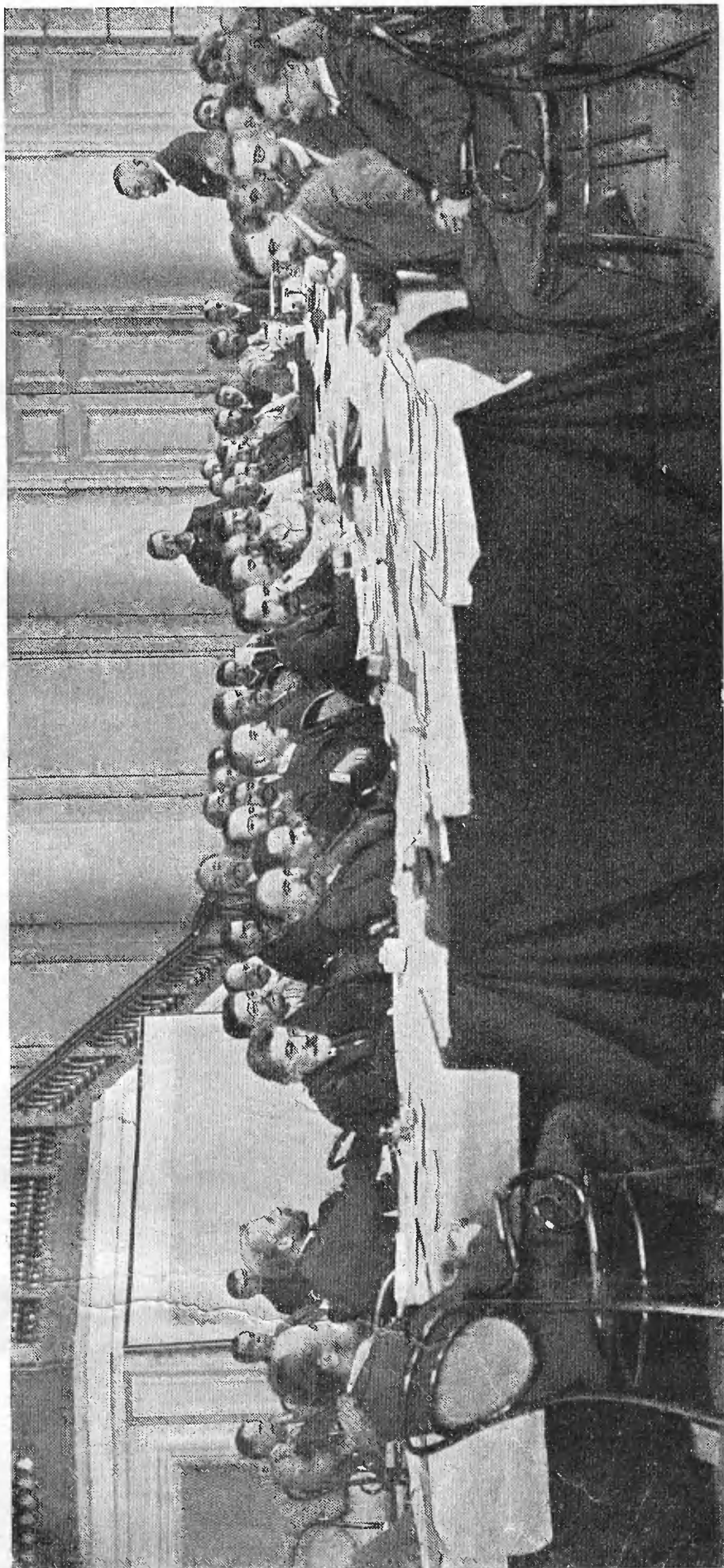
Событія въ Россіи чрезвычайно усилили классовую борьбу въ Европѣ. Волна забастовочнаго движенія вызвала къ жизни новый и привела въ дѣйствіе старыя организаціи, созданныя специально въ видахъ самозащиты крушаго капитала. Въ Германіи, въ Англіи и во Франціи сразу оживилась дѣятельность различныхъ союзовъ предпринимательской взаимопомощи, сумѣвшихъ дать дѣлу довольно неожиданной оборотъ. Родоначальницей такихъ союзовъ является Англія, какъ старшая по развитію капитализма страна. Она видывала на своемъ вѣку немало рабочихъ стачекъ, принуждена была

торый ежеминутно может дать ему расчёт и выбросить на улицу, но, сплотившись в союзы и соглашения, с девизом: «один за всех и все за одного», те же рабочие получают возможность отстаивать свои человеческие права, предъявлять свои требования и вынуждать хозяев к уступкам. Там, где объединённость рабочих опередила объединённость хозяев, последние почувствовали себя в зависимости от первых. Под угрозой стачки, временной приостановки производства, всегда убыточной для хозяина, и даже под риском окончательного разорения, капиталисты нередко принуждены были сдаваться без борьбы. Промышленная история Англии и Западной Европы знает немало таких славных, безкровных побед. Ценою их, ценою неустанной борьбы и завоеваний, сложилось все относительно благосостояние европейского рабочего. Безконечным рядом организованных забастовок, сопровождавшихся голодом и нищетой, при дружной поддержке со стороны голодных товарищей, он купил себе право быть сравнительно сытым, одеваться не в лохмотья, жить в чистой комнате, а не в «уллахе», и т. д. Но там, где капиталисты успевали тоже объединяться, условия борьбы делались более тяжёлыми. Она регулировалась, принимала более смягченные формы и сводилась обыкновенно к мирным соглашениям, так как, чувствуя силу цблага союза, стоящего за спиной каждого хозяина, рабочие союзы не рисковали идти на разрыв.

В Америке объединение хозяев произошло не на почве борьбы с рабочими, а на почве борьбы с потребителями. Американские тресты возникли для предупреждения тяжёлых последствий взаимной конкуренции предпринимателей и получили характер соглашений против понижения цены товара, а потом выродились в систематическую монополизацию рынка и в произвольное обложение потребителя. Слияние всех отдельных предпринимателей в одно общество с миллиардными капиталами бесконечно увеличило силу их также и в борьбе с рабочими. Несмотря на чрезвычайное развитие рабочих обществ в род знаменитой ассоциации «рыцарей труда», насчитывающей более миллиона членов, рабочие стачки в Америке — явление чрезвычайно редкое. Высокая заработная плата там держится не силою организованного сопротивления рабочих, а силою традиций, сложившихся еще в те времена, когда труд был чрезвычайно дорог. Благодаря этим традициям американские капиталисты не злоупотребляют своей силой и платят обычно высокую плату за труд рабочих даже тогда, когда у ворот их контор толпятся тысячи голодающих безработных.

В Германии боевое объединение хозяев для борьбы с рабочими началось в конце прошлого столетия. Первым возникло Лейпцигское общество взаимного возмещения убытков на случай стачек. Вслед за ним, как грибы после дождя, пошли расти отдельные такие же союзы по разным отраслям производства. Напр., металлургический союз насчитывал 802 члена-хозяина, дающих в общей сложности заработок 130.000 рабочих. За прошлый год он уплатил заводчикам в возмещение убытков по стачкам 119.000 марок, при чем наивысшая сумма выдачи в

отдельном случае доходила до 24.000 марок. Страховых сборов за тот же год было 134.000 марок, так что за покрытие расходов осталось около 15 тыс. излишка. Страховой капитал

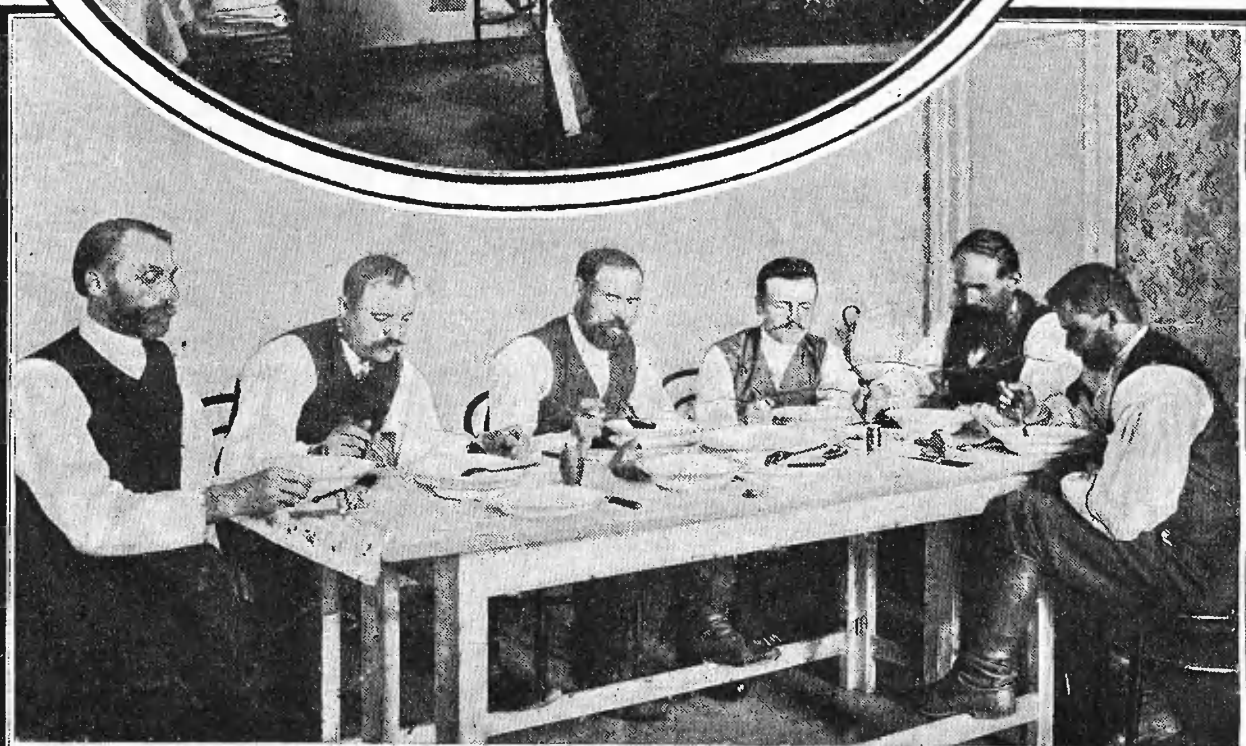
Засѣданіе аграрной комиссіи въ кулуарахъ Государственной Думы подъ председательствомъ депутата Муханова (изображенъ на фотографіи стоящимъ справа). По фот. А. Дранкова, авт. «Нивы».

За обсужденіемъ дѣлъ.

Слева: отъ Тургайской области — Дыхнычъ, отъ Подольской губ. — Романюкъ, Михайличенко, Стефанюкъ, Яременко, Кучерь (Кучерюкъ).

Членъ Государствен. Думы
Гнатенко (отъ Подольск. губ.)

За обѣдомъ во время перерыва застѣданія.

Крестьяне-члены Государственной Думы у себя дома, въ общежитіи на Кирочной улицѣ, д. 52.

Вице-адмирал Г. П. Чухнинь
(† 28 июня с. г.).

бований, т. е. когда рабочие или увольнились от разрешения спора третьей-ским судом, или учинили забастовку вопреки разрешению третейского суда. Таким образом в основу деятельности металлургического союза поставлена не столько борьба с рабочими, сколько защита от произвола рабочих.

Такие союзы охватили почти все отрасли германской промышленности и несомненно оказывали сдерживающее влияние на рабочих. Значение и сила их еще более увеличилась, когда образовались центральное управление национальных германских союзов и главная ассоциация германских патронатов. Они носили характер взаимного страхования от забастовки, общего всем отраслям производства, но разрабатывая, отчасти по отражению русских событий, бурное рабочее движение в начале мая нынешнего года заставило хозяев придать своим союзам более боевое значение. Под влиянием весенней забастовки 8 мая образовался союз союзов германских патронатов и тотчас же стал во главе борьбы с рабочими. Майские забастовки охватили весь Ганноверский, Лейпцигский, Дюссельдорфский и Гальский округа, оставили без работы сотни тысяч рабочих и грозили развитием бурного революционного движения по всей Германии; но предпринимательский союз союзов пригрозил на 2 июня «локаут», т. е. временным закрытием *всех* промышленных заведений, где миллионы рабочих находят заработок и пропитание. Под угрозой всеобщей забастовки со стороны хозяев, рабочие вынуждены были отказаться от своих требований относительно признания их союза и введения однообразного вознаграждения по всей Германии и покорно стали на работы.

Г. П. Чухнинь. (Портр. на этой стр.)

Павший от руки убийцы в Севастополе, 28 июня с. г., главный командир черноморского флота, вице-адмирал Г. П. Чухнинь, пользовался обширной известностью не только в морских кругах, но и во всей России: отчасти этому способствовали тот видный пост, который он занимал за последнее время, как глава всего черноморского флота, в котором произошло теперь так много потрясающих событий.

Вице-адмирал Г. П. Чухнинь родился в 1847 году. На службу он вступил в 1864 году. В течение своей долголетней морской службы он командовал следующими судами: канонерской лодкой «Манчжур», броненосцем «Не тронь меня» и крейсером «Память Азова».

С 1896 по 1901 год он состоял младшим флагманом эскадры Тихого океана и командиром владивостокского порта. Затем командовал отдельным отрядом судов, возвращавшихся из Тихого океана, а в 1902 году был назначен командующим учебным отрядом Морского кадетского корпуса и директором этого корпуса.

Последнее назначение — на должность главного командира черноморского флота (вместо вице-адмирала Скрыдлова, ныне вновь на-

слагается из единовременного взноса в 25 пфен. с каждой тысячи марок заработной платы и ежегодного взноса в 1 марку с той же суммы. Размѣръ убытковъ отъ забастовки опредѣляется особымъ комитетомъ и приблизительно равняется одной маркѣ въ день съ каждого бастующаго рабочаго. Страховая премія уплачивается не за всякую забастовку, а лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда стачка не оправдывается основательностью предъявляемыхъ рабочими тре-

Вице-адмиралъ
Н. И. Скрыдловъ,
назначенный
главнымъ коман-
диромъ черномор-
скаго флота.

значеннаго на этотъ постъ) состоялось уже во время русско-японской войны.

Какъ извѣстно, покойный адмиралъ еще раньше подвергался опасности быть убитымъ: въ нынѣшнемъ году на него уже было произведено покушеніе, окончившееся тогда благополучно.

Что послужило мотивомъ убійства? На этотъ вопросъ отвѣтить пока еще трудно. Была ли это личная месть, или революціонный актъ? Разяснить это только судебное слѣдствіе въ ближайшемъ будущемъ. А въ настоящее время флотъ нашъ, столь осиротѣлый и обезсиленный личнымъ составомъ, понесъ очень чувствительную потерю въ лицѣ адмирала Г. П. Чухнина, какъ одного изъ лучшихъ спатокъ морского дѣла.

Н. И. Казнаковъ. (Портр. на этой стр.)

Адмиралъ Николай Ивановичъ Казнаковъ пользовался широкой известностью въ морскихъ кругахъ и былъ знакомъ и большой публикѣ, преимущественно какъ одинъ изъ активныхъ сотрудниковъ Общества спасенія на водахъ, въ которомъ онъ въ послѣднее время былъ председателемъ.

Н. И. Казнаковъ родился в 1834 году, воспитывался в Александровском и Морскомъ кадетскихъ корпусахъ. На действительную службу онъ вступилъ еще въ то далекое время, когда у насъ существовалъ парусный флотъ. С 1863 по 1870 гг. Н. И. носъ чисто-морскую службу, командуя судами: «Вѣстникъ», «Яхонтъ», «Аскольдъ» и «Рюрикъ»; затѣмъ былъ послѣдовательно морскимъ агентомъ въ Англіи и начальникомъ штаба при главномъ командирѣ черноморскаго флота.

Во время русско-турецкой войны 1877—78 гг. Н. И. Казнаковъ много поработалъ надъ приведеніемъ въ боевую готовность черноморской флотиліи. Въ то же время онъ принималъ участіе и въ активныхъ дѣйствіяхъ этой флотиліи противъ турокъ, командуя шхуне-дунайскимъ флотомъ.

Въ болѣе позднее время, съ 1886 и по нынѣшній годъ, Н. И. Казнаковъ занималъ очень много разныхъ должностей, начиная съ должности главного инспектора морской артиллеріи и кончая должностью члена адмиралтействъ-совета. Между прочимъ, онъ былъ главнымъ командиромъ кронштадтскаго порта и военнымъ губернаторомъ Кронштадта.

Н. И. Казнаковъ не былъ чуждъ и писательской дѣятельности: его перу принадлежатъ нѣсколько печатныхъ трудовъ по военно-морскому дѣлу. За эти труды Николаевская морская академія избрала его въ 1892 году въ члены академической конференціи.

Два конгресса.

Въ Лондонѣ одновременно заходятъ два всемірныхъ конгресса: социалистическій и парламентскій. Социалистическій конгрессъ обсуждаетъ вопросы о способахъ всемірной борьбы съ господствомъ капитала, съ буржуазнымъ строемъ современныхъ обществъ, а междупарламентская конференція озабочена вопросомъ: какъ бы свести къ нулю или, по крайней мѣрѣ, къ минимуму возможность

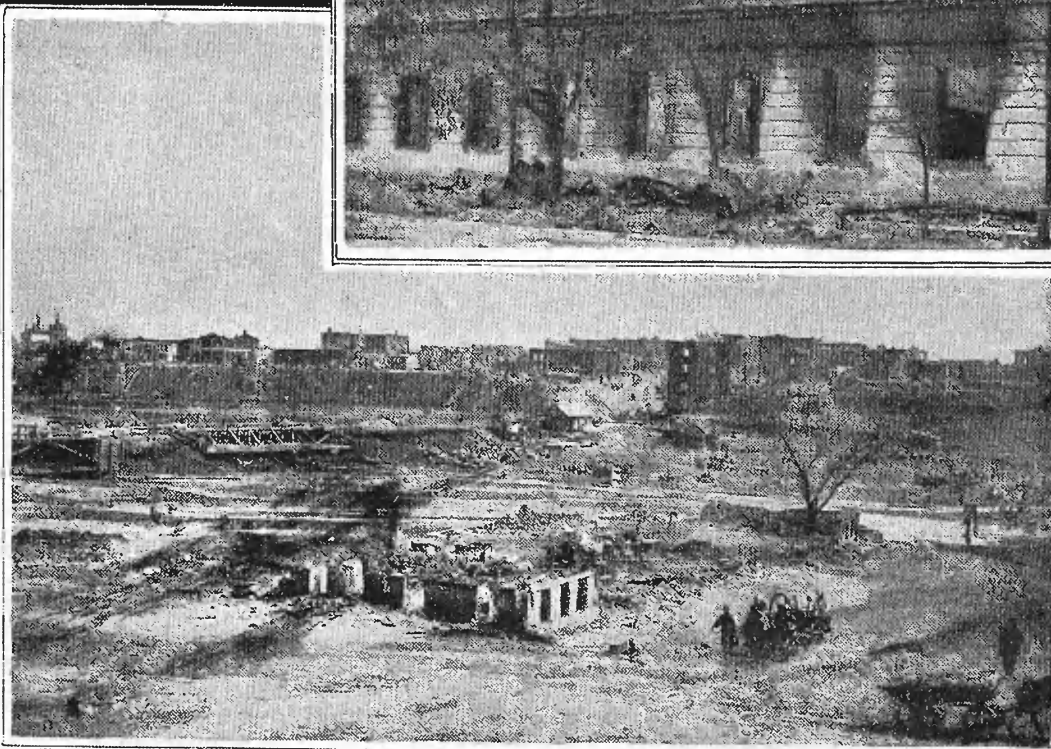
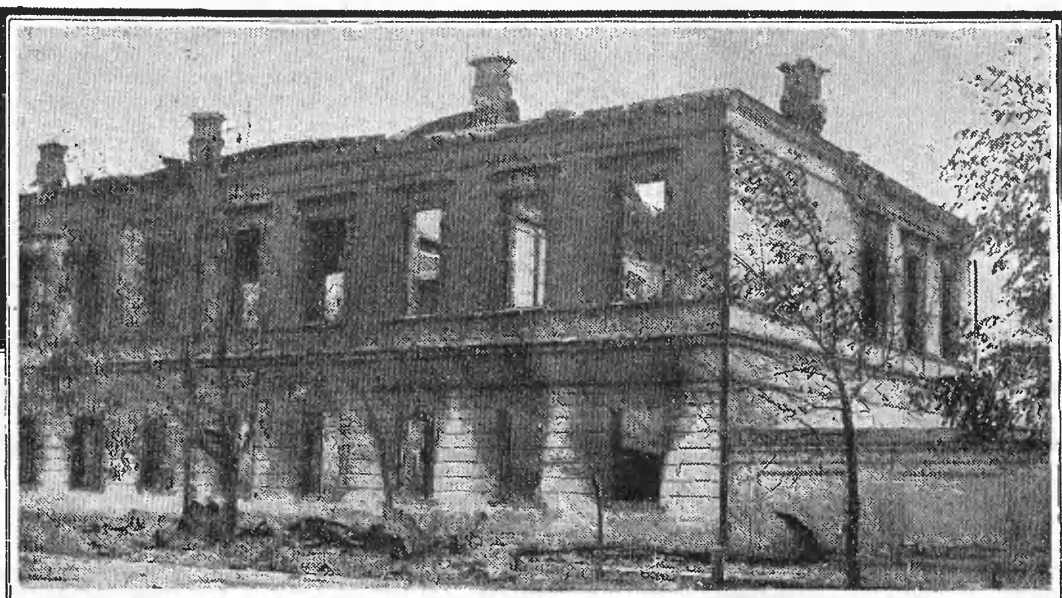
Адмиралъ Н. И. Казнаковъ
(† 1 июля с. г.).

международныхъ войнъ и сократить разорительныя вооруженія народовъ? По общепринятому мнѣнію всѣхъ социаловъ нашего времени, превосходя развитому въ блестящемъ изслѣдованіи г. Анничкова. «Война и трудъ»,—въ современныхъ войнахъ ведутся изъ-за торгово-промышленныхъ интересовъ. Нѣкогда завоевывали рабовъ и территории; теперь страдающіе отъ внутренняго перепроизводства капиталистическія государства стараются завоевать другъ у друга рынки сбыта. Такимъ образомъ главная причина современныхъ войнъ лежитъ

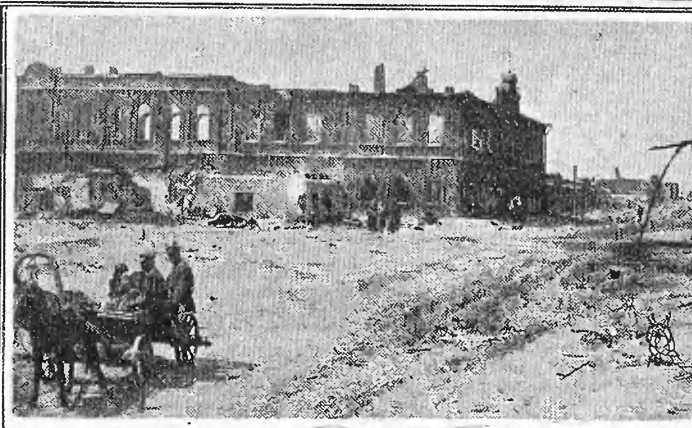
Генераль-лейтенантъ С. К. Гершельманъ, назначенный московскимъ генераль-губернаторомъ.

Сгорѣвшая Сызрань.
По фот. Ясвина въ Самарѣ,
авт. «Нивы».

Реальное училище.

Общій видъ Сызрани
послѣ пожара.

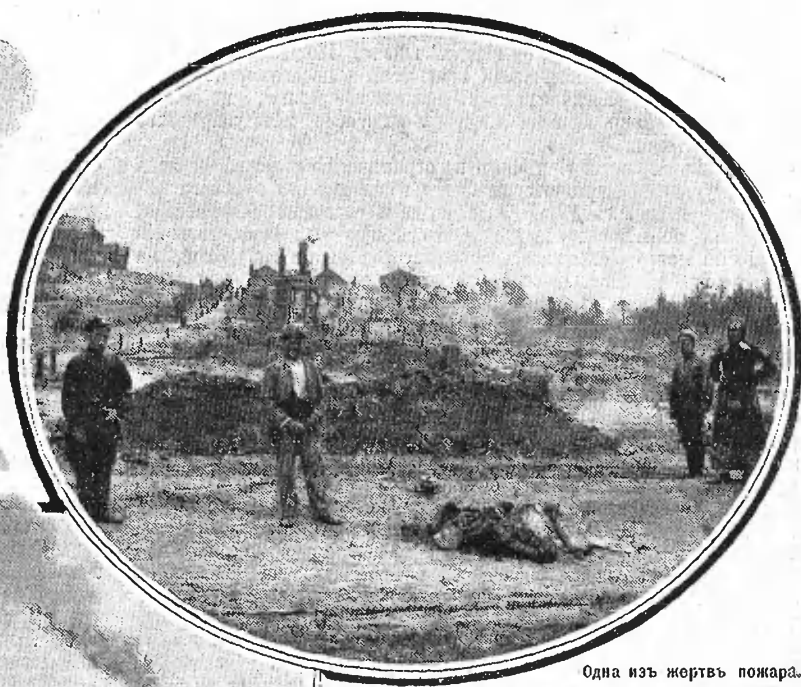
Духовная семинарія
за р. Крымзой.

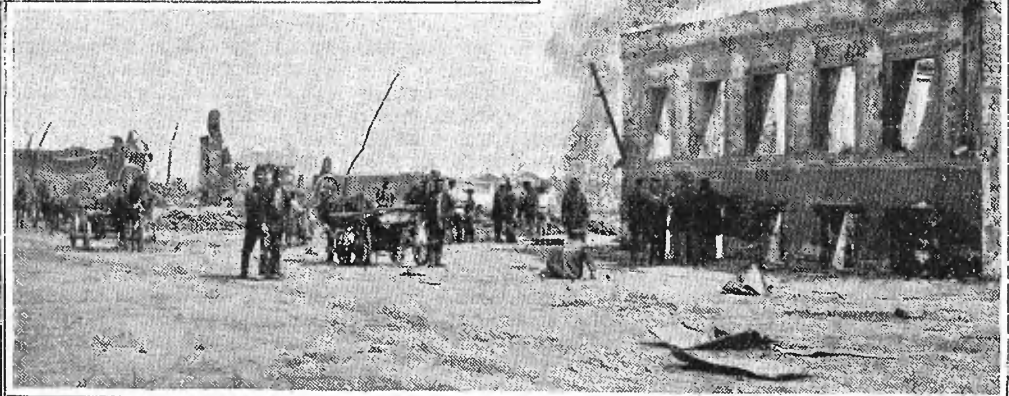
Обгорѣвшая церковь Михаила Архангела.

Симбирская улица; вдали
горят две мельницы—Стер-
лядкина и Пережогина.

Одна из жертв пожара.

Пивной складъ „Печельдъ“.
Хулиганы растаскиваютъ и
распиваютъ пиво.

Безъ хлѣба и безъ крова.

Погорѣльцы.

не въ чемъ иномъ, какъ именно въ капиталистическомъ строѣ общества. Покажется эта причина не удалена, до тѣхъ поръ сколько-нибудь серьезная борьба съ бѣдствиями войны остается невозможной. Прочный миръ народамъ можетъ дать только благоустройство ихъ внутренней экономической жизни. Поскольку къ этой цѣли стремился социалистическій конгрессъ и поскольку ее совершенно обходила междунапарламентская конференція, постольку первый несравненно больше служилъ задачамъ международнаго мира, чѣмъ второй.

Какъ извѣстно, первый поинтъ къ ограниченію вооруженій былъ сдѣланъ Русскими Императоромъ. По предложенію русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, была создана гаагская конференція, эта первая попытка международнаго трибунала, существованіе котораго не могло однако же предотвратить ни англо-бурской, ни русско-японской войны. Идея третейскаго разбирательства и ограниченія вооруженій стала пользоваться наибольшимъ успѣхомъ именно среди англичанъ. Помимо правительства, т. е. англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, за распространіе этой идеи взялось съ обычною энергіею англійское общество. Излюбленные люди послѣдняго — члены англійскаго парламента — созвали для участія въ мирной манифестаціи членовъ всѣхъ парламентовъ мира. Въ заботахъ о предотвращеніи ужасовъ войны народное представительство стремится обогатить всѣ правительства — и холодныхъ господамъ дипломатамъ останется только скрѣплять своими подписями тѣ клятвы во взаимной любви, которыя «парламентеры» всѣхъ народовъ произносятъ на всемірномъ братаніи въ Лондонѣ.

Уставшему отъ кровавыхъ грозъ человечеству чрезвычайно пріятно отдаться сладкимъ мечтамъ о вѣчномъ всеобщемъ мирѣ, но для того, чтобы повѣрить имъ окончательно, приходится закрывать глаза на суровую и печальную дѣйствительность. Къ сожалѣнію, реальная жизнь такъ неидеальна, что не позволяетъ долго предаваться розовымъ грезамъ. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, вѣрить въ прочность политическаго мира, когда между самыми культурными народами идетъ ожесточенная промышленная борьба? Почему роль благаго голубя съ пальмовою вѣтвью въ клювѣ приняла на себя именно Англія, захватившая чуть не полъ-вселемной, обезпечившая свою гигантскую промышленность рынками сбыта во всѣхъ частяхъ свѣта и опасаящаяся конкуренціи молодого, политически сильнаго государства — Германіи, быстро догоняющей ее въ насажденіи гигантскихъ фабрикъ и заводовъ? Военная мощь и быстрое экономическое развитіе Германіи буквально не даютъ покоя признанной «царицѣ морей». Все свое вооруженіе Англія принаравливаетъ для борьбы съ Германіей. Недавние морскіе маневры представляли собою респектицію германской высадки на англійскіе берега. Всѣ дипломатическія старанія Сентъ-Джемскаго кабинета цѣлкомъ направлены опять-таки къ возможно болѣе полному изолированію Германіи въ Европѣ. Въ предчувствіи великихъ опасностей для своего мирового господства, Англія заблаговременно охраняетъ себя сѣтью безчисленныхъ бронепосевъ и заковывается въ броню оборонительныхъ союзовъ. Столь помѣзно поднятый ею вопросъ объ ограниченіи вооруженій не является ли новымъ способомъ защиты все отъ того же молчаливаго, но изумительно настойчиваго и энергично работающаго въ молчаніи тайнаго врага? Проницательные дипломаты Западной Европы высказываютъ подозрѣніе, что затѣянная англичанами манифестація всемірнаго братанія не свободна отъ кое-какихъ тайныхъ политическихъ соображеній чисто эгоистическаго свойства. Англія больше всего хлопочетъ о разоруженіи своихъ противниковъ, надѣясь подъ флагомъ гуманности укрѣпить свое экономическое господство въ мирѣ. Царство искренняго человеколюбія въ международныхъ отно-

шеніяхъ наступитъ лишь тогда, когда междуклассовыя отношенія внутри государствъ будутъ построены на человеколюбіи и справедливости.

Сгорѣвшая Сызрань.

(Съ 9 рис. на стр. 478 и 479).

Господь взыскуетъ нашу многострадальную родину. 5 іюля сгорѣла почти до тла Сызрань, насчитывавшая до 45.000 жителей. Пожаръ принялъ сразу огромныя размѣры, вслѣдствіе сильнаго урагана, и море пламени пожирало кварталъ за кварталомъ. Загорѣлось за рѣкой Крымзой, на Ильинской улицѣ. Одинъ изъ очевидцевъ утверждаетъ въ печати, что пожаръ возникъ изъ-за пустого повода, приведеннаго къ такому ужасному бѣдствію. Какой-то баринъ вздумалось у себя, во дворѣ, заложить приготовленіемъ варенія; вслѣдствіе неосторожности загорѣлся деревянный сарай, и огонь, благодаря внезапно падавшему урагану, нѣсколько разъ мѣнявшему направленіе, почти моментально распространился.

Черезъ нѣсколько часовъ въ Сызрани возвышалась только соборная колокольня, а вокругъ было все окутано огнемъ и дымомъ; масса деревянныхъ строеній дала обильную пищу пламени.

Самый страшный моментъ наступилъ тогда, когда огонь подо-брасалъ къ артиллерійскимъ пороховымъ погребокъ; взрывы пороха, грохотъ разрывавшихся артиллерійскихъ снарядовъ, трескъ ружейныхъ пуль — были послѣднимъ прощальнымъ салютомъ погибшей Сызрани. Весь берегъ города былъ переполненъ бѣглецами; многие изъ получившихъ ожоги бросались въ воду, думая пайти тамъ облегченіе отъ мучительной боли. Другіе наиболѣе сильно обожженные добирались до берега ползкомъ.

Ужаснѣе всего было то, что очевидцы страданій обожженныхъ не могли подать имъ никакой медицинскій помощи. Перевозочныхъ средствъ и медиковъ не было и достать было негдѣ; почта и телеграфъ сгорѣли, такъ что оставшіеся въ живыхъ лишены были возможности требовать откуды-нибудь помощи.

Нѣкоторые изъ не-сызранцевъ, читавшіеся приближаться къ городу, бѣжали обратно, ужаснувшись обугленныхъ труповъ, валявшихся на дорогѣ.

Много обгорѣлыхъ труповъ валялось на улицахъ, особенно за рѣкой Крымзой, такъ какъ вспыхнувшій на окраинахъ пожаръ лишилъ выхода народъ, и много погибло. Рядомъ съ людьми, среди развалинъ валялись обгорѣвшіе трупы лошадей, собакъ и домашней птицы.

Послѣдствія пожара еще не поддаются подсчету, но пока въ общихъ цифрахъ уже выяснено, что уничтожено 126 кварталовъ и въ нихъ около 4000 домовъ, болѣею частью самыхъ лучшихъ. Уничтожено огнемъ отдѣленіе волжско-камскаго банка, домъ обществу взаимнаго кредита, казначейство, общественныя учрежденія, тюрьма, гимназія, реальное училище, семинарія, женскій монастырь, семь церквей, частью соборъ, нѣсколько мельницъ, разные склады, конторы, лавки и магазины, сто вагоновъ съ пшеницею. Государственный банкъ уцѣлѣлъ.

Убытка насчитывается до 10 милліоновъ рублей. Городъ обращенъ въ груду развалинъ. Громадная часть населенія осталась безъ крова и хлѣба, подъ открытымъ небомъ.

Министерства внутренннихъ дѣлъ и земледѣлія по мѣрѣ истощенной казны ассигновали денежную помощь, разрѣшили бесплатный отпускъ тѣса и закупили партію мясныхъ и прочихъ консервовъ. Но все это весьма недостаточно: необходима широкая общественная помощь.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

По условіямъ разсрочки, подписная плата за „Ниву“ 1906 года должна быть внесена полностью къ 1-му августа сего года. Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ поэтому гг. подписчиковъ, не внесшихъ сполна подписныхъ денегъ, озаботиться немедленно присылкою остальной причитающейся съ нихъ суммы, во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ № 36-го (отъ 9 сентября). При высылкѣ денегъ гг. иногородные подписчики благоволятъ обозначать на вѣдомѣ мѣстѣ № печатнаго адреса съ бандероли, или прилагать самый адресъ.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: „Меленькая“, Повѣсть И. Н. Потапенко. — Недостатокъ Звено. Разсказъ В. Ольденъ. — На проспектѣ. Стихотвореніе К. Фофанова. — Хрустальный павильонъ. Разсказъ Леона дю-Тенсо. — Борьба труда съ капиталомъ. — Г. П. Чухинъ. — Н. И. Казнаковъ. — Два конгресса. — Сгорѣвшая Сызрань. — Заявленіе. — Объявленія.

РИСУНКИ. День гаснетъ. — Интересный романъ. — Среди гранатъ. — Критики Дарвина. — Иллюстраціи къ разсказу „Недостатокъ Звено“. — Засѣданіе аграрной комиссіи въ кулуарахъ Государственной Думы подъ предѣлательствомъ депутата Муханова. — Крестьяне-члены Государственной Думы у себя дома, въ обществѣ на Кирочной улицѣ, д. 52. — Вице-адмиралъ Г. П. Чухинъ. — Вице-адмиралъ Н. И. Скрыдловъ. — Адмиралъ Н. И. Казнаковъ. — Генералъ-лейтенантъ С. К. Гершельманъ. — Сгорѣвшая Сызрань (9 рисунковъ).

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина“ кн. 27.